

В Долине Бренного Мира вечно витал тонкий, едва уловимый аромат цветущего персика.

Ли Ханьсину нечасто доводилось гостить в столь тихих краях. Его родная обитель — Башня Пяти Стихий и Семи Звёзд — раскинулась на величественной горе Пяти Стихий в Новой области. Сам Город Семи Звезд высился у самых облаков, и вокруг него бесконечным шумным потоком вечно сновали тысячи учеников.

Разумеется, в таком муравейнике не обходилось без грызни за власть и ресурсы. Будучи молодым господином Города Семи Звезд и признанным преемником — Первой Звездой Алчного Волка в Башне Небесного Осевого Узла, он с детства привык наблюдать за этими интригами.

Этим утром его разбудил сокрушительный гул — земля заходила ходуном. Решив, что на Долину Бренного Мира совершили набег, Ли Ханьсин по привычке окликнул Ли Го, но никто не отозвался.

Сердце ухнуло вниз. Он резко распахнул глаза и в следующий миг различил за стеной звонкий голос Люйло.

Накинув халат, Ли Ханьсин торопливо вышел наружу. Крохотную деревянную лачугу он скотил на скорую руку только вчера вечером — места внутри едва хватало, чтобы вытянуться во весь рост, поэтому Ли Го остался караулить снаружи.

В первых лучах рассвета во дворе вовсю тренировался Люйло. Каждый его удар отдавался оглушительным свистом и треском рассекаемого воздуха. Под его ногами крошился камень, а потоки духовной энергии, взбаламученные яростными выпадами, закручивались вокруг юноши бешеным вихрем. Сомнений не оставалось: утреннее «землетрясение» устроил именно он.

Заметив вышедшего Ли Ханьсина, Люйло даже не повёл бровью. Удар за ударом, методично и яростно — казалось, эта монотонная рутина никогда ему не наскучит.

— Молодой господин, вы проснулись? — к нему подошёл Ли Го с плетеной корзиной в руках. Рядом с ним неспешно шел Цзян Сяочжоу.

— Ну как спалось, даос Ли? — с улыбкой поинтересовался Цзян Сяочжоу.

Ли Ханьсин усмехнулся:

— Пожалуй, это была самая спокойная ночь за последнее время.

Цзян Сяочжоу мягко улыбнулся:

— Я как раз сварил утреннюю кашу. Если не брезгуете, разделяйте со мной трапезу, даос Ли.

Договорив, он повернулся к тренирующемуся юноше и крикнул:

— Завтрак! Марш за стол!

Люйло мгновенно застыл, опустил кулаки и вприпрыжку помчался к ним. Глаза его так и горели предвкушением — судя по всему, этот ритуал был отработан до автоматизма.

— Утра, даос Ли, — небрежно бросил Люйло и тут же с жаром повернулся к Сяочжоу: — А что у нас на завтрак? Будет мясо дикого вепря?

— Завтрак должен быть легким, никакого тяжелого мяса, — отрезал Цзян Сяочжоу. Даже зная, что мясо духовных вепрей полно чистейшей энергии, он не собирался изменять привычкам из прошлой жизни. С утра желудок нагружать не стоит.

— Ну ладно, ладно, — уныло протянул Люйло, но тут же заканючил: — Но я так хочу тушёную свиную рульку! Сяочжоу, ну приготовь рульку, а? Ну пожалуйста...

— Ладно тебе, приготовлю, приготовлю, — со смехом отмахнулся Цзян Сяочжоу, подталкивая его к столу. — Сначала умойся.

Сам Ли Ханьсин завтракать не планировал. Заклинатели его уровня давно прошли стадию воздержания от пищи на этапе Слияния, так что обычная еда им без надобности. Более того, мирская пища полна нечистот, способных засорить меридианы и осквернить чистоту духовной энергии. Разумеется, существовали особые духовные деликатесы, но позволить их себе могли лишь богатейшие кланы. Однако, глядя на неподдельный восторг Люйло, Ли Ханьсин вдруг ощутил укол любопытства.

Они подошли к небольшому столику у пристройки, заменяющей кухню. Там уже сидел мужчина средних лет со скорбной складкой у губ. Опустив голову, он глубоко о чем-то задумался.

— Старый Лю! — весело поздоровался Люйло, плюхнувшись на лавку.

Ли Ханьсин с опозданием осознал, что Люйло обошёлся с ним, мягко говоря, прохладно. Если не сказать больше — он его просто проигнорировал. Еще тогда, на речном судне, этот юноша не удостоил его даже мимолетным взглядом.

Ситуация донельзя странная. Он, Ли Ханьсин, гроза и опора Башни Небесного Осевого Узла, недостижимый идеал и мечта сотен юных затворниц Города Семи Звезд, оказался пустотой для какого-то мальчишки.

Слегка откашлявшись в кулак и прогнав минутное замешательство, Ли Ханьсин с безупречной вежливостью обратился к мужчине:

— Старший Лю, моё имя Ли Ханьсин. Простите за беспокойство, что стесняю вас своим присутствием.

Тот хмуро взглянул на него и процедил:

— Я не Лю.

И ведь не соврал. Его даосское имя было Яньлю — «Отвергающий ивы», а вот настоящего имени никто отродясь не знал.

Ли Ханьсин лишь молча сморгнул.

Когда все четверо расселись вокруг стола, Ли Ханьсин огляделся и спросил:

— А старший Смысл Бренного Мира к нам не присоединится?

— Ему неинтересна подобная суета, — Цзян Сяочжоу подул на край своей пиалы. Тонкий пар поднялся вверх, мягко размывая черты его лица. — Теряет кучу удовольствия.

Ли Ханьсин посмотрел в свою миску. Полупрозрачные зерна риса, подобные мелкому речному жемчугу, лежали в чистейшем отваре, источая тонкий, сладковатый аромат. Выглядело это на удивление аппетитно. Он зачерпнул ложку, поднес к губам и замер от неожиданности.

Неужели он так сильно отвык от вкуса простой еды? Каша оказалась настолько нежной и насыщенной, что сердце дрогнуло. Проглотив первую порцию, Ли Ханьсин почувствовал, как по телу разливается мягкое тепло.

— Невероятно... — невольно сорвалось у него с губ.

Цзян Сяочжоу довольно сощурился:

— Еще бы. Я варил её в алхимическом треножнике.

Ли Ханьсин едва не поперхнулся:

— В треножнике? Для пилюль?

— Ну да. Пламя Очищающего Лотоса вместо дров, а вода очищена техникой Великого Истока, чтобы убрать малейшие примеси. Никакого вреда для меридианов, а вкус становится чище и глубже. — Цзян Сяочжоу со знанием дела поднял указательный палец. — На самом деле кулинария мало чем отличается от алхимии. Я еще в детстве грезил о том, чтобы постичь Дао через кухонное ремесло. Считаю, мечта сбылась.

Ли Ханьсин невольно содрогнулся от мысли: «Хоть бы этот безумец не додумался подать Обратное снадобье вместо ужина».

Расправясь с завтраком, Цзян Сяочжоу повернулся к Ханьсину:

— Для Обратного снадобья нам понадобится редкий ингредиент — трава Иссохшего Сердца. В моем саду её нет, так что придется наведаться на склоны задней горы.

— Мне пойти с вами? — тут же вызвался Люйло.

— Не нужно, мы только соберем траву и сразу обратно. Это не займет много времени.

Они вдвоем углубились в лес на заднем склоне горы. Когда-то здешние чащобы кишели свирепыми тварями вроде иглошерстных вепрей и куда более опасных духовных зверей, но теперь Цзян Сяочжоу мог справиться с ними в одиночку. За последнее время он отточил мастерство владения техникой Великого Истока и научился вплетать в боевые приемы Пламя Очищающего Лотоса. Впрочем, Люйло совершил еще более поразительный рывок. Когда ему случалось сталкиваться с толстокожими монстрами, он разносил их на куски одним точным ударом крошечного кулака. Местные хищники уже издалека чуяли его приближение и спешно убегали с дороги.

Ли Ханьсин шел следом за Цзян Сяочжоу, который уверенно выбирал едва заметные тропы среди густых зарослей. Разговор не клеился, и вокруг воцарилось спокойное лесное безмолвие.

Ли Ханьсин задумчиво разглядывал прямую спину своего спутника. В кругу друзей Цзян Сяочжоу всегда держался мягко, приветливо, демонстрируя безупречные манеры. Но сейчас, когда он вел их через глухую чащу, сквозь эту маску отчетливо проступало нечто иное. Глубокое, неискоренимое одиночество.

— Цзян Сяочжоу, — негромко окликнул его Ли Ханьсин.

Тот обернулся, и его взгляд мгновенно потеплел:

— Да?

Ли Ханьсин поймал себя на мысли, что никогда не встречал подобных людей. Сяочжоу сочетал в себе столь противоречивые черты, что разгадать его тайну хотелось вопреки всякой логике.

Заметив, что гость замялся, Цзян Сяочжоу сам нарушил молчание:

— На самом деле, у меня тоже есть старые счета с Двенадцатью Башнями Белой Яшмы.

— Связываться с этим змеиным гнездом — верная смерть, — нахмурился Ли Ханьсин.

— Твоя правда, — согласился Цзян Сяочжоу. — Слышал когда-нибудь о Башне Ветра и Песка?

— Доходили кое-какие слухи, но без подробностей.

Цзян Сяочжоу вкратце описал события, развернувшиеся в Башне Ветра и Песка, после чего добавил:

— Похоже, их нити тянулись прямиком к Двенадцати Башням Белой Яшмы. Хотя мы и вырезали ту заразу под корень, меня до сих пор не покидает смутное предчувствие. Слишком легко всё прошло, где-то мы точно упустили важную деталь.

Ли Ханьсин помрачнел:

— Двенадцать Башен славятся своей мстительностью. Если они взяли твой след, жди беды. Осторожность тебе не повредит.

— До этого я безвыездно жил в области Баолин, — задумчиво произнес Цзян Сяочжоу. — О Двенадцати Башнях там, конечно, знали, но запустить свои когти в те земли им так и не удалось.

Ли Ханьсин лишь горько усмехнулся в ответ:

— Двенадцать Башен Белой Яшмы безраздельно властвуют на континенте Цяньюань вот уже тридцать тысяч лет. Их корни ушли так глубоко, что простому смертному и представить страшно. Да, с расширением границ обитаемого мира их влияние слегка ослабло — особенно когда открыли область Баолин. На то, чтобы полностью подмять под себя новые дикие земли, у них попросту не хватило сил. Но я слышал, что в свое время они предприняли отчаянную попытку подчинить себе секту Меча Лянъи. И с треском провалились.

Область Баолин была новым, нетронутым краем. Старые земли истощились, запасы духовных камней и редких ресурсов подходили к концу, и Двенадцать Башен, разумеется, жаждали урвать свой кусок пирога. Когда в Баолин хлынули полчища демонов из Бездны, Башни Белой Яшмы безучастно взирали на резню со стороны. Они рассчитывали, что перед лицом гибели глава секты Цзян Чангэ приползет к ним на коленях за помощью. А после победы секта Меча Лянъи послушно вошла бы в их состав.

Но вековые интриганы просчитались. Цзян Чангэ выстоял в одиночку.

Его легендарный клинок рассек небеса, запечатав пик Линъюнь, и сам он стал неодолимой стеной, за которой укрылась вся область Баолин.

— Чем ближе к Старой области, тем сильнее давит авторитет Двенадцати Башен, — продолжил Ли Ханьсин. — Этот тридцатитысячелетний колосс давно сгнил изнутри. Постоянная грызня за власть, интриги, хаос, прикрываемый внешней спесью и высокомерием. По тем отребьям из Башни Ветра и Песка сразу видно, во что превратилась эта некогда великая сила. И всё же недооценивать их глупо.

Ли Ханьсин на секунду замялся, пристально вглядываясь в лицо собеседника:

— Даос Цзян... Ты упомянул область Баолин, твоя фамилия Цзян... Неужели ты и есть тот самый пропавший молодой глава секты Меча Лянъи?

Цзян Сяочжоу замер. Он инстинктивно напрягся, готовый к мгновенному броску, но лицо осталось бесстрастной маской.

— Да. Это я.

— У меня нет дурных намерений, — поспешно заверил его Ли Ханьсин. — Я всегда преклонялся перед величием твоего отца, главы Цзян Чангэ. Трагедия, что разыгралась позже... В нашем мире правит сила. Ради восхождения к бессмертию люди готовы переступить через любые клятвы и предать соратников. Увы, таков путь культивации.

Цзян Сяочжоу промолчал, лишь сильнее сжав челюсти.

Ли Ханьсин уловил тень боли в его глазах и негромко спросил:

— Тебе известно, что сейчас происходит в твоём родном доме?

Цзян Сяочжоу медленно поднял голову и в упор посмотрел на юношу. После того как он бежал из Баолина, все его силы уходили на выживание. Риск раскрыть себя был слишком велик, поэтому он годами не смел собирать слухи о секте Меча Лянъи. Сейчас он действительно ничего не знал о её судьбе.

Встретив этот тяжелый, пронзительный взгляд, Ли Ханьсин понял: этот человек не сломлен. В его груди всё ещё теплится яростное пламя возмездия.

— Власть в секте узурпировал один из старейшин. Он объявил твоего отца предателем, вступившим в сговор с демонами Бездны. Разумеется, вспыхнул мятеж. Многие верные

ученики отказались подчиняться предателю и покинули орден, хотя нашлись и те, кто остался... Когда секта оказалась на грани полного краха, вмешались Двенадцать Башен Белой Яшмы. Они заключили сделку с новым руководством. Благодаря их покровительству и ресурсам бунт удалось залить кровью, и положение стабилизировалось.

Но прежней секты Меча Лянъи больше нет. Обитель, за которую пролил кровь Цзян Чангэ, превратилась в покорных псов Двенадцати Башен — их глаза и уши в области Баолин.

— Из-за этого отношения секты Меча Лянъи с Повелителями Зверей и сектой Ушедшей Обиды вконец испортились.

— Секта Повелителей Зверей... — тихо повторил Цзян Сяочжоу, и перед его мысленным взором мгновенно возник образ гордого, подобного пламенному фениксу юноши.

<http://bllate.org/book/20178/2235846>